

И согласно первоначальной линии времени, после того как Цзинь Яо стер тебе память, тебя нашел Цяо Пэй. Впоследствии ты принял его, и вы стали мужем и женой. Цяо Пэй за всю жизнь не взял себе ни одной наложницы, а в конце, после его смерти, трон унаследовал старший сын его младшего брата. Позже этот старший сын разгромил другую империю и полностью объединил Северные земли.

Охренеть, круто-то как. Чао Цы едва не закричал от восторга, ведь он и впрямь не ожидал, что Цяо Пэй окажется настолько крут.

Прежде твой старший брат отправился в армию в качестве сопровождения, ты и сам знаешь, что на поле боя он не выходил, а служил военным советником. Он действительно обладал умом, близким к демоническому, но позже его подставили, и преследователи загнали его в Туманную чашу. Это место звали не иначе как смертельной ловушкой — кто вошел, назад уже не возвращался. И тогда Цяо Пэй привел туда огромное войско и отыскал его в Туманной чаще. В том, что Цяо Пэй добился стольких успехов впоследствии, есть и огромная заслуга твоего старшего брата.

Теперь Цяо Пэй захватил земли трех провинций, но до раздела Поднебесной между двумя правителями остается еще пара лет. Он разослал людей повсюду в поисках вестей о тебе и наконец нашел тебя в Да Юэ четыре месяца назад, когда с момента возвращения Цзинь Яо в Мир Богов прошло уже больше месяца. Цяо Пэй привез тебя в провинцию Дае — так он назвал захваченные им земли. Вы воссоединились с Чао Цзюэ, но твой отец действительно умер. Цяо Пэй признался тебе в чувствах, и вы сошлись два месяца назад. Система перевела дух, наконец-то выдав всю положенную информацию, и спросила: Остались еще вопросы?

Чао Цы и сам предавался раздумьям: информации оказалось немало, к тому же теперь у него появился новый партнер.

Один вопрос. Разве не говорили, что меня занесло обратно из-за слишком сильной одержимости Цзинь Яо? Так есть ли у него воспоминания о том, как я погиб на прошлой неделе? — поинтересовался Чао Цы.

Нет, — ответила система. — Именно его одержимость повлияла на волю мира, и тогда воля мира вернула тебя назад, обратив время вспять и повторив всё сызнова. У самого Цзинь Яо никаких воспоминаний о твоём прошлом инсценированном побеге смерти нет.

Окей, пойдет, — кивнул Чао Цы.

Он поднялся с постели, намереваясь отыскать себе какую-нибудь одежду, как вдруг в комнату вошли две служанки и, склонившись в поклоне, произнесли:

— Вы проснулись, господин? Позвольте нам подать вам воду для умывания.

Чао Цы потрогал собственный подборку: а жизнь-то и вправду налаживается.

.....

Мир Богов.

На вершине Куньлунь в Мире Богов раскинулся целый комплекс взаимосвязанных дворцов. Высокие и величественные, они тем не менее поражали тончайшей проработкой деталей, в каждом штрихе являя изысканность и роскошь.

Цзинь Яо был облачен в сложно сшитые снежно-белые шелковые одежды, а его черные, подобные вороньему перу волосы спадали на плечи и грудь. Он прислонился к высокому трону в главном зале, где, кроме него, не было ни души.

В руке он держал треугольный талисман мира, сложенный из желтой бумажной полоски. Тот уже изрядно пообносился и был нанизан на красную нить.

Он поднес талисман к самым глазам и принялся внимательно его разглядывать, но в его золотых глазах не читалось никаких эмоций.

Он думал, что больше никогда не вспомнит того смертного.

Полгода назад Граница Демонов пала, и он спешно вернулся в Мир Богов наводить порядок.

Граница Демонов не была ни Миром Демонов-зверей, ни Миром Демонов, а представляла собой искусно созданную темницу. В древности Мир Демонов-зверей и Мир Демонов становились всё сильнее и бесчинствовали в Мире Смертных, а со временем возжелали захватить и Мир Богов, из-за чего и разразилась та древняя война.

Эта затяжная война продолжалась почти тысячу лет, силы обеих сторон истощились в бесконечных столкновениях, а число погибших исчислялось мириадами. Тогда по воле небес на свет появился Цзинь Яо и единолично положил конец этой войне. Поначалу он хотел полностью истребить всех бушующих великих демонов и злых духов, но зло в подлунном мире невозможно искоренить начисто — стоило убить этих чудищ, как на свет появились бы новые, непредсказуемые бедствия.

Тогда окружающие посоветовали Цзинь Яо усмирить демонов и заточить их. Цзинь Яо не страшился никаких неведомых напастей, да и не был тем, кого по-настоящему волновало благоденствие всего мира, но раз уж все в один голос предлагали заточить нечисть, он просто создал Границу Демонов и упрятал туда всех демонов разом.

Полгода назад, когда он вернулся в Мир Богов, там царил полный хаос. Из Границы Демонов вырвались на свободу тысячи могущественных демонов и древних чудищ, каждое из которых некогда творило зло в своих землях и отличалось особой кровожадностью. К тому же уровень культивации многих демонов достиг запредельных высот, позволяя им на равных противостоять Небесному Императору.

Разобраться с этими демонами в открытом бою для Цзинь Яо не составляло труда, но к моменту его возвращения в Мир Богов беглецы уже некоторое время находились на свободе. В арсенале этих тварей было бесчисленное множество изощренных еретических трюков, и после того, как они рассеялись и спрятались, отслеживать их поодиночке оказалось поистине хлопотным делом. Лишь полмесяца назад ему кое-как удалось подавить главные очаги смуты, а возиться с остатками разбитых шаяк Цзинь Яо уже не желал.

Пусть те боги сами с ними разбираются.

Десять тысяч лет назад он прислушался к советам окружающих и пощадил демонов, оставив их в живых. Однако на этот раз он почему-то испытывал к ним острейшую неприязнь и, стоило ему одержать верх, уничтожал их без малейших колебаний.

Мир Богов понес немалые потери в этой смуте, и сферы влияния вновь подверглись переделу. Покончив полмесяца назад с масштабными беспорядками, Цзинь Яо не захотел ввязываться в пустые споры с прочими небожителями и просто уединился в собственной пещере

бессмертного, чтобы залечить раны.

Однако последние полмесяца выдались для него тяжкими — впрочем, и до этого легче не становилось. Однако дел в голове было невворот, и он временно подавил это раздражение и тревогу.

Он сжал в пальцах талисман мира, плотно сжав тонкие губы.

Тот человек попросил его для него.

В один прекрасный день этот глупец неизвестно где услышал, будто храм на горе у городской окраины обладает удивительной целебной силой, и специально отпросился в таверне на один день. Он поднялся на гору, совершая три поклона и девять земных покровов на каждом шагу, и вымолил этот талисман мира.

В тот день, когда он переступил порог, лицо его сияло радостью, он так и светился от счастья. Цзинь Яо тогда подумал, что произошло что-то хорошее, но этот глупец, словно преподнося бесценное сокровище, вытащил из-за пазухи талисман мира и затараторил, что мастер уже благословил его и целых семь дней продержал перед ликом Будды, так что эта вещь непременно защитит его и поможет болезни поскорее отступить.

Он не признался, как именно добыл талисман, лишь уверял, что попросил его в том храме на окраине города. Только вот он от природы был простоватым и неуклюжим, совершенно не умел готовиться ко лжи: колени на его штанах были ободраны, а весь он был усыпан обломками травы и щепками.

Цзинь Яо лишь мельком взглянул на талисман: никакой духовной силы в нем не было, и помочь он никак не мог. Но тот ничего этого не знал и умолял носить талисман при себе, не снимая.

Поэтому в день своего ухода он, сам того не заметив, прихватил эту бумажку с собой.

Сделав бесконечный круг, этот талисман в конце концов оказался единственной вещью, оставшейся у него и связанной с тем человеком.

Цзинь Яо крутил в пальцах талисман мира и думал, что этот человек и впрямь невероятный глупец: желтая бумага для рисунка была самой дешевой, но этот дурачок без тени сомнений выложил за нее половину своего месячного заработка.

Но в следующую секунду в мыслях вновь возник образ: лицо того человека, всё еще испачканное сажей, сияющие персиковые глаза, изгибающиеся полумесяцем, и талисман мира, протянутый прямо перед его носом так, будто случилось какое-то величайшее чудо, а затем — бережное, трепетное движение, с которым бумажный талисман заправили ему за пояс.

Его глаза сильно отличались от глаз других людей. Их и правда можно было назвать персиковыми: разрез глаз был удлинённым, уголки взмывали вверх, словно перья на хвосте феникса, с легким природным розоватым оттенком, отчего при одном взгляде на них возникало неотразимое, завораживающее очарование. Однако глаза эти не были узкими и продолговатыми, как у большинства обладателей таких глаз, а напротив — крупными и круглыми, напоминающими глаза миндалевидные. Янтарные зрачки сияли чистотой и ясностью, излучая наивность и детскую простоту.

Стоило ему обрадоваться, как он широко раскрывал глаза, становясь похожим на котенка —

точь-в-точь как в тот день, когда он повязывал ему талисман мира. В его янтарных зрачках словно отражались звезды, а на щеках проступали ямочки.

Он до сих пор помнил, как при повязывании талисмана одежда на поясе чуть заметно шевельнулась, и сквозь слой ткани ощущалось тепло пальцев Гуань Су. А еще то, как он прижался лбом к его груди, и сладковатое, горячее дыхание, исходившее от него.

Когда Цзинь Яо встретил Гуань Су впервые, руки того были белыми и нежными, и даже змейки синеватых вен под кожей казались прожилками, скрытыми в глубине драгоценного нефрита; ногти были ровно подстрижены, а кончики пальцев отливали легкой розовизной — с первого взгляда угадывались руки человека, выросшего в изнеженности и роскоши.

Но когда он завязывал ему этот талисман, его руки остались такими же белыми и тонкими, однако утратили нежность; они исхудали так, что вены слегка выступали под кожей, на них чернело немало следов от цыпок, а ногти местами потрескались.

При этой мысли золотые глаза Цзинь Яо слегка потемнели.

Лишь когда вошедший в покои служащий почтительно доложил о прибытии посетителей, он с удивлением осознал, что просидел перед этим талисманом больше часа.

Лицо его сделалось весьма мрачным. Он зажал талисман между двумя пальцами, намереваясь сжечь эту потрепанную бумажонку, в которой не было ни капли духовной силы.

Однако применить божественную силу так и не вышло. Охваченный глухим раздражением, он сунул талисман обратно за пояс.

— Ваше Превосходительство, лорд Янь Цан прислал вам приглашение собраться завтра на горе Янцун, — почтительно доложил служащий у подножия возвышения.

Янь Цан был одним из тех редких богов в Море Богов, к чьему мнению Цзинь Яо был готов прислушаться.

Янь Цан являлся лазурным драконом. Именно он подобрал Цзинь Яо — юного дракона, рожденного самой природой, — а впоследствии наставлял его в культивации, по праву считаясь наставником, открывшим ему путь.

Правда, официально учеником он у него не состоял, да и в клане драконов не придавали особого значения традициям учим-ученичества: Янь Цан тогда взял его под крыло просто по наитию, обучая всему между делом.

В настоящее время Янь Цан фактически возглавлял клан драконов, поскольку сам Цзинь Яо никогда не занимался подобными делами. Теперь же, когда инцидент на Границе Демонов подошел к концу, этот сбор, устроенный Янь Цаном, служил одновременно и празднованием победы, и способом успокоить умы. Раньше Цзинь Яо вряд ли согласился бы прийти.

Да и Янь Цан приглашал его скорее из вежливости.

Но на этот раз Цзинь Яо опустил взгляд, немного подумал и произнес: — Передай ему, что завтра я буду вовремя.

Слуга, уже приготовившийся услышать отказ, замер, а затем поспешно кивнул: — Слушаюсь.

.....

На собрания драконов обычно являлись боги, чья истинная сущность не была человеческой.

Причина проста: сборища драконов отличались... весьма вольным нравом.

На самом пиру всегда хватало соблазнительных и дерзких зрелищ вроде зажигательных танцовщиц, но сейчас речь не о них. Была у этих встреч еще одна особенность: прибывшие драконы или прочие гости почти всегда приводили с собой любимых питомцев. Причем это «любимый» обычно носит временный характер, так что состав фаворитов менялся практически на каждом сборище. Драконы обожали хвастаться своими питомцами перед остальными, а когда воодушевлялись — даже менялись ими.

В общем, всё выглядело примерно так же, как на пирах в Мире Демонов и Мире Демонов-зверей, которые Цзинь Яо посещал в былые годы. Сами по себе драконы нрава непостоянного, и к чистым поборникам праведного пути их не отнесешь. Раньше на такие собрания приглашали многих могущественных демонов, древних чудищ, а также демонесс и соблазнительниц. Однако на этот раз пир устраивался в честь победы на Границе Демонов, поэтому звать обитателей Мира Демонов и Мира Демонов-зверей было неуместно.

К моменту прибытия Цзинь Яо почти все гости уже собрались.

Изысканное вино, прекрасные девы — царила атмосфера разврата, не смолкали смех, шутки и мягкое хихиканье танцовщиц.

Стоило же Цзинь Яо переступить порог, как шум в зале мгновенно стих. Те, кто был увлечен беседой или флиртом, услышав внезапную тишину, тоже подняли головы. Заметив Цзинь Яо, они тут же онемели.

Даже танец прекрасных дев прервался на полуслове.

В Мире Богов Цзинь Яо был не просто влиятельной фигурой с возвышенным положением, но и приобрел зловещую и пугающую славу Бога Войны, несущего смерть.

Конечно, это прозвище божества давали ему лишь в мыслях, украдкой. Вслух обсуждать его не смели, и даже думать об этом лишний раз было страшно.

Заметив Цзинь Яо, Янь Цан, хоть и получил весточку о его визите, всё равно почувствовал легкий холодок по спине, видя, как одно появление гостя заставило весь зал затаить дыхание.

Он никак не мог взять в толку, зачем вчера дернул черт отправить Цзинь Яо это вежливое приглашение.

Впрочем, сейчас оставалось лишь делать хорошую мишуру при плохой игре. Напустив на лицо фальшивую улыбку, Янь Цан через силу произнес: — Цзинь Яо, редко удается застать тебя здесь. В недавней смуте на Границе Демонов во многом твоя заслуга.

— Долг службы, — бесстрастно ответил Цзинь Яо и, шагнув к своему месту, опустил на циновку, встряхнув рукава.

Затем он снова поднял взгляд на онемевших гостей и бросил: — Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте.

Присутствующие переглянулись, выдавливая из себя подобия улыбок.

По залу жиденько рассыпались смешки и обрывки фраз, но любой бы расслышал в них натужность и фальшь.

— Мне повторить еще раз? — Цзинь Яо взял со стола бокал с виноградным вином, а голос его прозвучал холодно, как вода.

Люди вздрогнули, сообразив, что это предупреждение от самого Бога Войны. Испуганы они были или нет, но теперь каждый делал над собой усилие и возвращался к тому, чем занимался до прихода Цзинь Яо.

Танцовщицы тоже присели в поклоне и возобновили танец.

Если пренебречь словами Цзинь Яо и ненароком разозлить его словом или поступком прямо сейчас — это еще вопрос, когда придет конец, но если не подчиниться его воле сию же минуту, катастрофа грянет незамедлительно.

И пир возобновился в прежнем веселье, вот только в душе каждого натянулась тугая струна.

Место Цзинь Яо находилось рядом с Янь Цаном, и теперь хозяин праздника, глядя на то, во что превратился устроенный им с таким трудом вечер, невольно поморщился.

И какого хрена он вчера позвал Цзинь Яо?!

В этот момент Цзинь Яо перевел взгляд на Янь Цана.

Почувствовав на себе этот прямой, в упор направленный взгляд, Янь Цан снова ощутил мурашки по коже: неужели этот парень решил прикончить даже его?

Но немного погодя Янь Цан понял, что что-то не так: кажется, Цзинь Яо смотрел вовсе не на него, а на... питомца, прильнувшего к его груди.

Это была недавняя пассия Янь Цана — юноша из Клана лис, небесный лис, вовсе не простой зверь.

Новый фаворит отличался поразительной, ослепительной красотой и детской непосредственностью в манерах, но главное — будучи лисицей, в постели он оказался невероятно хорош, так что Янь Цан оставался крайне доволен.

Впрочем, драконы редко отличаются постоянством, поэтому, заметив, как Цзинь Яо в упор разглядывает его любимца, Янь Цан приподнял бровь.

— Только явился — и сразу уставился на моего питомца. Неужели ты наконец-то заинтересовался мирскими утехами? — с усмешкой произнес он.

Цзинь Яо перевел взгляд обратно на Янь Цана, ничего не ответив, но и не опровергая его слов.

Янь Цан решил, что понял всё правильно, и, отстранив прижавшегося к нему юношу-лиса, велел: — Ступай к Вашему Превосходительству Цзинь Яо, послужи ему как следует.

Сначала юноша-лис испугался, но затем вспомнил, что Ваше Превосходительство Цзинь Яо за многие миллионы лет в Море Богов ни разу не был замечен ни в каких романтических связях — он вел себя так, будто постигал бесстрастный путь отречения, а вовсе не был драконом. И

вдруг проявил к нему симпатию... Неужели...

В груди у него шевельнулось робкое предвкушение и тайная радость, хотя на сердце всё еще было тревожно. Он поднялся, осторожно подошел к Цзинь Яо и приник к его коленям, устремив на него снизу вверх свои притягательные глаза в форме лепестков персика.

Когда Гуань Су из клана лис опустился на его колени, Цзинь Яо слегка поджал тонкие губы, инстинктивно испытывая неприязнь. Но когда Гуань Су поднял голову и посмотрел на него, Цзинь Яо на мгновение замер.

У большинства выходцев из клана лис были такие глаза с поволокой — совсем как у того глупца.

Видя, что Цзинь Яо не отверг его в первое же мгновение, Гуань Су почувствовал, как надежда в его душе невероятно окрепла.

Он робко протянул руки, обнял Цзинь Яо за плечи и прижался лицом к его шее.

Цзинь Яо по-прежнему не двигался.

Под глазом Гуань Су алела маленькая родинка-слезинка, и в каждом его взгляде сквозило неодолимое, манящее очарование.

Не похож. Ни капли не похож.

У того глупца тоже были глаза в форме лепестков персика, но зрачки у него были огромными. Когда он радовался или удивлялся, то широко распахивал их, становясь похожим на маленького котенка.

У него не было родинки-слезинки, зато на щеках красовались ямочки. Стоило их увидеть, как тут же хотелось ткнуть в них пальцем, а если дать волю жестокости — и вовсе укусить.

Чтобы проверить, действительно ли он похож на молочное суфле — такой же мягкий, нежный, источающий легкое тепло и молочный аромат.

Гуань Су, разумеется, не знал, о чем думает Цзинь Яо. Видя, что его не отталкивают, он осмелел еще больше и скользнул рукой под полы одеяния Цзинь Яо.

Его пальцы принялись дразняще ласкать широкую, с безупречными очертаниями грудь мужчины. Не похоже, всё равно не похоже.

Он до сих пор помнил ту ночь, когда они поженились с тем глупым мальчишкой.

Маленький глупыш так долго ждал эту ночь, но, беспокоясь о его здоровье, не смел ничего предпринять. Набравшись смелости, он сказал, что хочет прикоснуться к нему, а когда он спросил, куда именно, этот парень в конце концов лишь погладил его собственный пресс, после чего смущенно и сердито спрятался под одеяло.

Он всё ещё помнил те ощущения.

Он бессистемно водил руками по своему животу — о какой-то технике или ласках не было и речи, это было просто хаотичное поглаживание. Но тогда Цзинь Яо от этого задохнулся от напряжения. Руки глупышки были мягкими и нежными, словно подушечки кошачьих лап, но, в отличие от плотных кошачьих лапок, его пальцы казались тонкими и хрупкими. Каждое движение оставляло на его животе и талии волны тепла и легкой щекотки. Янь Цан видел, что оба они вышли довольно-таки мирно — по крайней мере, Цзинь Яо не бросился сразу с выхваченным мечом, и в нем даже забрезжила надежда: а вдруг Цзинь Яо и правда стал больше похож на дракона?

Он с улыбкой заговорил со стороны:

— Цзинь Яо, этот мой питомец не только прехорошенький и статный, самое главное — он обладает врожденными костями обольщения, будучи из Клана лис. Врожденные кости небесных лис совсем не похожи на обычные чары лис-демонов: те снаружи лишь кажутся красивыми, а небесные лисы хороши на деле. Войдешь внутрь — там так тесно и властно, дух захватывает, просто кости из человека вытянуть может. Его ножки такие цепкие, если обвить вокруг талии — такое блаженство, словами не передать!

Драконы были лишены всяких моральных устоев и могли без малейшего смущения обсуждать с младшими столь бесстыдные вещи. При этом Янь Цан по-прежнему был облачен в бирюзовые одежды, сохраняя облик ясного ветра и светлой луны. Если находиться на некотором расстоянии и не прислушиваться к его словам, глядя на этот его вид, решительно невозможно было бы представить, о чем он говорит.

Хотя Цзинь Яо и отличался строгим воздержанием, ему доводилось слышать немало подобных слов. Раньше он бы даже брови не приподнял, лишь думая про себя, что у Янь Цан, должно быть, совсем затуманился разум и он целыми днями способен размышлять лишь о подобной бессмыслице.

Но теперь, услышав столь откровенные и двусмысленные речи Янь Цан, он почувствовал легкое тепло внизу живота.

Этот маленький глупыш был невысокого роста, зато обладал длинными ногами. Стройные и гладкие, словно нефрит, ноги сияли белизной, но при этом были еще более нежными и манящими, чем настоящий нефрит. Хоть он и казался изящно худым, на самом деле из-за жизни в роскоши и заботе на ощупь его кожа была необыкновенно мягкой. Если бы он обвился этими ногами вокруг его поясицы...

Цзинь Яо поджал губы, и его золотистые глаза слегка потемнели.

Маленький глупыш был таким изнеженным: стоило обидеть его лишь чуть-чуть, как у него сразу краснели глаза, а если прижать его сильнее, он наверняка заплачет так, что начнет икать. У него такие густые и длинные ресницы — не станет ли он еще прекраснее, когда на них заблестят слезы?

Цзинь Яо позволил себе предаться подобным мыслям, его горло пересохло, а взгляд стал еще мрачнее.

<http://bllate.org/book/22189/2312424>